

ЖАЖДА

*Научно-фантастический
рассказ*

Аппарат развернулся, выходя на финишную прямую, и вдали — наконец-то! — показался купол Большого Дэна, как всегда светящийся изнутри. Его пластиковая громада непринужденно возвышалась над разбросанными поодаль домами, погруженными в зелень, — обычными двухэтажными коттеджами окраины большого города.

Здесь Дэну было покойно. Он не выносил городской суеты — такой уж был у него капризный характер. Даже мелодичный посвист мопедов на магнитной подушке, посвист, неведомо как проникавший сквозь толстую оболочку купола, выводил Дэна из равновесия. Поэтому, собственно, его и перевели когда-то сюда, в царство просторных улиц, заросших серебристым вереском, и редких пешеходов — большей частью сотрудников биоцентра и Зеленого городка.

От ненужных посетителей Большого Дэна надежно охраняла магнитная защита, невидимой стеной окружавшая его резиденцию. Проникнуть

сюда могли только посвященные. К их числу принадлежал Эльван. Координатор до конца сентября улетел на Венеру, а совет назначил Эльвана старшим на это время.

Ночью прошел дождь, и платаны сверху казались умытыми.

Орнитоптер плавно терял высоту, и слоистый туман вдруг плотно облепил иллюминатор. «В этом году ранняя осень», — подумал Эльван, включая инфразор. Затем он низко склонился над пультом. Трехмерную карту местности, сейчас неторопливо проплывшей под ним, он достаточно изучил за шесть лет общения с Дэном. Нагромождение острых пиков там, вдали, слева, — это Озеро отдыха. Сейчас поверхности его не видно — над озером туман. Эльван улыбнулся летним воспоминаниям. Немного правее — овальная площадь полигона, на котором испытывались и обучались диковинные системы, выращенные в биоцентре. Эльван кивнул, как старой знакомой, ажурной Башне молчания, совсем невесомой в тумане.

С каждым мигмом купол Дэна увеличивался в размерах, словно раздвигая покатыми плечами атлета соседние строения.

Тысячи невидимых нервов связывали Дэна с городом, со всей Землей.

Едва орнитоптер коснулся купола, Эльван открыл люк кабины и выпрыгнул наружу. Не включая эскалатор, он спустился вниз, перескакивая через две ступеньки. Затем миновал магнитную стенку и вошел внутрь.

Все как вчера: хирургически белый пластик стен, бесшумные перфоленты, бегущие в разных направлениях, огромное пространство, заполненное паутиной пульсирующих переплетений.

Теперь Эльван шагал осторожно, движения его стали четкими, скупыми: эти разноцветные токи, бегущие по упругим жилам, ежесекундно перемещают колоссальную информацию, собираемую сюда со всех концов Солнечной системы.

Уже когда Эльван проходил через Малый зал, его охватило странное чувство, будто он что-то позабыл или упустил из виду нечто важное. Эльван замедлил шаг. Ах, вот что! Дэн с ним не поздоровался. Впервые за шесть лет знакомства. Может быть, успокаивал себя Эльван, попросту испортился фотоэлемент-сигнализатор, луч которого он пересек, входя под купол?

Вчера вечером Дэн вел себя, как обычно. Он успел разработать сложную стратегическую схему, и, когда Эльван собирался домой, он, как всегда лаконично, пожелал ему счастливого пути.

Слегка обеспокоенный, Эльван толкнул выпуклую дверь... и так застыл с нелепо поднятой рукой.

Весь пол — от двери до оконных фрамуг — был густо усеян микроэлементами. Дэн, занимавший три стенки до потолка и четвертую до половины, был истерзан. Его глаза и уши были безжалостно вырваны и валялись внизу, изуродованные до неузнаваемости.

Переступив смятый баллон, в котором пузырилась алая жидкость, Эльван нагнулся и поднял обрывок белого шнура, вздрогнувшего от его прикосновения. Нерв... Чуткий нерв Дэна...

Эльван огляделся.

Как видно, неведомый злоумышленник знал свое дело. Он обдуманно и расчетливо разрушил головную часть Дэна.

Сквозь полупрозрачные стены купола отчетливо проступал розовый рассвет.

С чувством почти физической боли Эльван переходил из угла в угол, осторожно обходя обломки, будто это были живые существа.

Аварийный вызов он включил сразу же, но что толку? Мыслимо ли сейчас, в короткий срок, исправить Дэна, над созданием которого в течение нескольких поколений трудились лучшие умы землян?

Эльван бросил взгляд на знакомое круглое личико пультавого циферблата. Через сорок пять минут вспыхнут все семь экранов связи. Должен начаться обычный сеанс. Операторы уже, конечно, готовятся, в последний раз проверяют информацию, закладывают в передатчики перфокарты. Каждая узкая полоска с прихотливой вязью шифра — это сведения о движении своего спутника, многие биты информации о параллаксах, магнитных склонениях космического поля и напряжениях...

Через сорок пять? Нет, через сорок...

Все эти сведения Дэн должен на ходу приводить в единую систему и мгновенно давать поправки на движение каждого корабля-спутника.

Семь дрейфующих в дальнем космосе островков, заброшенных туда человеком, составляли точнейший механизм, подобный часовому. Все маневры их были согласованы друг с другом, словно движения гимнаста — чемпиона Звездной олимпиады. Работа, которую проводили спутники, слишком много значила для землян: готовился старт планеты Земля в сторону более горячего солнца — Сириуса.

Правда, Солнце было еще полно сил, но астрофизики глядели не на один миллион лет вперед, и работа по перебазированию Земли предстояла немалая.

Теперь, чтобы заменить Дэна, должны будут включиться сотни аварийных постов, и тысячи людей прильнут к дешифраторам аналитических машин.

Эльвану казалось, что все происшедшее не более, чем дурной сон. «Но кто же, кто мог это сделать?» — билось в голове.

Допустим, что такой злоумышленник нашелся. Как мог он преодолеть магнитную защиту? Невероятно, она непробиваема. Но если даже предположить невозможное... Скажем, он сумел проникнуть под купол. Все равно он не сумел бы и пальцем коснуться Дэна. Малейшее прикосновение чужих рук — и сигнализаторы на всех контрольных постах вспыхнут и зазвенят. Между тем ничего подобного не произошло: электронные сторожа безмолвствовали.

Огромный купол вдруг вспыхнул багровым пламенем — это солнце прорезало наконец туманные пласты и победно подымалось ввысь.

Рисунки Ю. МАКАРОВА

— Значит, при входе к Дэну вы не заметили ничего? — в который раз переспросил седовласый человек с усталым лицом, знакомым всем землянам.

«Пусть бы он меня лучше ругал, мне было бы легче», — подумал Эльван, хотя и не чувствовал за собой вины. Все равно в последний раз видел Дэна он, Эльван. Кроме того, он теперь старший координатор.

— Все было как обычно, — сказал Эльван.

— Да, как обычно... И возле линии магнитной защиты тоже? Эльван кивнул.

Воцарилась пауза, тяжелая, как подъем на лунный пик Испытания.

— Я готов нести всю полноту ответственности... — вдруг быстро заговорил Эльван, будто бросаясь в ледяную воду. — Перед землянами. Пускай меня...

— Довольно! — Председатель Высшего Совета Земли поднялся и, сдвинув кресло, большой, грузный, вышел из-за стола.

— Но зачем? — вдруг взорвался он. От его деланного спокойствия не оставалось и следа. — Скажите мне, юноша, зачем?

Последнее слово Председатель произнес по складам.

— Дело в том, что... — начал Эльван.

— Бессмысленное варварство! — продолжал Председатель, не слушая Эльвана. — Вся Земля занята теперь настройкой Дэна! Приостановлены и свернуты очередные работы! Пришлось призвать на помощь Марс, Венеру... Да что, — Председатель махнул рукой, — я даже Плутон переключил на Дэна... — Председатель неожиданно умолк и подошел к окну.

Эльван перевел взгляд на экраны, выстроившиеся на огромном столе Председателя. Экраны походили на поднятые ладони. Некоторые из них призывно мигали, требуя внимания, и Эльван подумал вдруг, как это трудно и ответственно — координировать действия всех землян, направлять различные усилия в русло общей цели.

Председатель обернулся и разжал кулаки. Затем осторожно, словно живую, поднял на свет узкую ленточку, испещренную отверстиями, и задумчиво произнес:

— А может быть, здесь ключи для разгадки? Если только это в самом деле принадлежит Дэну, а не подброшено злоумышленником...

— Это почерк Дэна, — убежденно произнес Эльван.

— Почерк? — вскинул брови Председатель.

— Я имею в виду — манера выражения, — сказал Эльван. — Мне ведь пришлось прочесть не одну милю таких лент, исписанных Дэном.

— Но имел ли он раньше склонность к подобным излияниям?

— Никогда.

— В том-то и загвоздка, — вздохнул Председатель. — А что касается стиля, то ведь он поддается математической обработке, а следовательно, и подделке...

— Я нашел этот обрывок возле атомного сердца... остановившегося... — тихо сказал Эльван.

— Грубая работа. Неужели кто-то и в самом деле всерьез

поверит в это? — Председатель потряс в воздухе ленточкой. — Хотя, признаюсь, недавно и у меня было подобное искушение. А ведь в самом деле заманчиво, не правда ли? Лебединая песня ионной системы! Робот предчувствует свою гибель и слагает грустную элегию. — Председатель прищурился и, поднеся ленточку к глазам, медленно прочел:

Мне бы — чтоб одно сплошное утро,
Чтобы тени разбежались прочь,
Но природа рассудила мудро —
День ныряет в стынущую ночь.
Ничего! Ведь завтра утром колко
Вновь лучи пробьются, как всегда.
Ну а если эта ночь надолго?
Для меня, возможно, навсегда?..

Удивительная осведомленность, вам не кажется?

— Возможно... цепной энергетический синтез, который был близок к выходу из-под контроля... а я не досмотрел... — с трудом выдавил Эльван.

— Оч-чень мило! Робот-пророк. Или, может быть, еще, чего доброго, флюиды? «Магнитная стенка, создавая непреодолимую преграду любой движущейся массе, не может служить препятствием для альфаволн, несущих концентрированные мысли». — Председатель спародировал академика Далиона так похоже, что Эльван помимо воли улыбнулся.

— А почему бы и нет? — сказал он. — Гипотеза не может быть правильной, если в ней нет сумасшедшинки.

— Сто лет назад остановились бы, пожалуй, на флюидах... — заметил Председатель, садясь в кресло. Он раздраженно отключил экраны вызова и продолжал: — Что ж, займитесь этим предположением... Вы свободны.

Вихрь разнородных чувств нахлынул на Эльвана. Значит, Председатель верит в него? И он не снял с него ответственности. И вины... А в этих флюидах, честное слово, что-то есть...

— Попроюсь доказать, Председатель, — обернувшись уже в дверях, сказал Эльван.

— В добрый час, профессор, — негромко ответил седовласый человек с усталым лицом.

Дверца лифта бесшумно закрылась, и кабина резво рванулась вниз. Эльван прислонился пылающей щекой к прохладной матовой панели. Он вновь и вновь переживал все перипетии только что закончившегося разговора с Председателем. Разговора, хоть и не разрешившего проклятых вопросов, вот уже третьи сутки мучающих Эльвана, но зато... Эльван чувствовал, что после беседы с Председателем он опять обрел веру в себя.

Кабина неслась на предельной скорости. Перед Эльваном бесконечной сеткой мелькали этажи Совета — самого грандиозного строения Земли.

«А как он прочел эту таинственную ленту! Медленно, будто вдумываясь в каждое слово. И кто создал эти строки? Дэн? Или тот, кто убил его? Или в самом деле эти слова были внушены Дэну, чтобы запутать следы?»

...Ведь завтра утром колко
Вновь лучи пробьются, как всегда».

Перед Эльваном встало то роковое утро, когда он, войдя в зал, впервые увидел то, что раньше было Большим Дэном. Ужасающую картину разгрома... Обрывки нервов... И над всем этим победные солнечные лучи, пробившие рассветный туман. Высокий купол, вспыхнувший подобно хрустальному... «Дэн больше всего любил рассвет», — подумал Эльван, выходя из здания Совета.

* * *

Тропинка бежала вверх, петляя в хаосе сгрудившихся скал. Собственно, можно ли было назвать тропинкой эти еле приметные следы, которые непосвященному и не заметить? Надломленная веточка самшита, едва примятый лист папоротника, гроздь дикого винограда, брошенная когда-то под ноги и успевшая уже увянуть, — обозначили путь. Но мудрено ли, что тропка была едва приметной, если ступали по ней только двое?..

Ухватившись за узловатую руку старой шелковицы, Эльван подтянулся. Самый трудный участок остался позади.

Диабазовые глыбы были теплы в лучах заходящего солнца. Глубоко внизу темнел каньон, утыканный игрушечными соснами.

Отсюда моря еще не было видно, но оно угадывалось. Как именно? Эльван этого, верно, не сумел бы объяснить.

Немного отдохнув, он снова двинулся в путь.

Синие отроги далеких гор кутались в облака. Одно из них настигло Эльвана, когда он переходил по упавшему стволу шумливую горную речушку.

Вот и поляна, заросшая коварным тисом, — их поляна. Эльван устало опустился на колени перед соцветием нежных изогнутых чаш, хранящих на донце прозрачную дождевую влагу.

Достаточно лишь одного глотка, маленького глотка этой прохладной жидкости... Эльван прикрыл глаза. Перед ним выплыло широкоскулое лицо Председателя. «Возможно, я был резок, но кто же мог знать? — скажет он глухо на Малом Совете. — А может, я был не прав?..»

Интересно, долго ли мучаешься, когда выпьешь? Надо было бы заглянуть в «Справочник фауны и флоры». Впрочем, не все ли равно?

Близкий смех заставил Эльвана поднять голову и вскочить на ноги: перед ним стояла Мари.

— Как Дэн? — спросила она, внимательно посмотрев на Эльвана, и вдруг стала серьезной.

Вместо ответа Эльван махнул рукой.

— Что, Эль? Он все еще не узнает тебя?

— Не то, — сказал Эльван, беря девушку за руку.

— Так что же?

— Понимаешь, основные блоки памяти, к счастью, сохранились целыми...

— Чудесно, — хлопнула в ладоши Мари. — Значит, Дэн ничего не позабыл?

— Ничего. И давай-ка лучше о чем-нибудь другом... — сказал Эльван. — Погляди, какое сегодня море.

— Погоди...

Мари опустилась на замшелый валун, обхватив руками колени. Эльван сел рядом на жесткий вереск, скрестив по-турецки ноги.

— Ты, по-моему, чего-то не договариваешь, — тихо сказала Мари, глядя в одну точку. — А! Кажется, я догадалась. Закончили этот эксперимент? Со внушением?

— Угу, — промычал Эльван, сосредоточенно жуя травинку.

— Ничего не получилось?

— Не получилось.

— Расскажи подробнее, Эль, — попросила Мари. — Представь себе, что мы снова в лекционном сферозале и ты, как всегда, разъясняешь мне что-то после лаборатории. Ох, как трудно было выслушивать твои длинные объяснения... И вообще, думаешь, легко было целый год изображать самую глупую студентку физического факультета?!

— Надо сказать, что это получалось у тебя довольно успешно, — сказал Эльван. — Настолько успешно, что я всерьез подумывал отчислить тебя. Шутка ли сказать — четыре раза сдавать дифференциальные уравнения!

— В этот-то момент я и перестроилась... Но в части передачи мыслей я действительно профан. Разъясни мне, профессор, — протянула Мари тоненьким голоском.

С края скалы, на которой сидели Эльван и Мари, открывался широкий вид на море. Кремнистые уступы, истерзанные ноябрьскими штормами, глядели угрюмо и неприступно. Беспокойное море швыряло на берег ледяные волны, и отсюда, с высоты, подвижная кайма прибоя казалась живой.

— Помнишь тот клочок перфокарты, что я нашел среди обломков Дэна?

— Предсмертные стихи Дэна? «Мне бы — чтоб одно сплошное утро...» Я же их наизусть..

— Кому они принадлежат — это еще вопрос, — сказал Эльван. — Не мог ведь Дэн ни с того ни с сего вдруг удариться в мистику? Каждые сутки я проверял все его схемы... В конце концов я отвечаю за него! Нет, это не Дэн, это кто-то чужой, враждебный.

— Чужой, враждебный... — медленно повторила Мари и слегка отодвинулась от Эльвана. — Так вот в чем дело! И ты не сказал мне ничего?! А я-то думала, ворочалась по ночам: к чему это понадобились вдруг эксперименты с внушением мыслей?..

— Пойми, Мари, я не мог. Об этом предположении знали только четверо во всей Солнечной... включая меня.

— А теперь?

— А теперь... С сегодняшнего дня это перестало быть тайной. Гипотеза не подтвердилась. Окончательно доказано, что биоволны, несущие мысли, не могут проникать сквозь магнитную стенку, подобную той, которая охраняла Дэна. Значит, это внутренняя неисправность. Чего-то я не досмотрел...

«Что же теперь будет?» — чуть было не вылетел у Мари бес-

помощный вопрос. Но что-то было в глазах Эльвана такое, что она сдержалась. Кажется, она понимала его.

— Знаешь, я только вчера вечером нашла время побывать в фонотеке, — громко начала Мари. — Хотелось для тебя найти что-нибудь. Я же знаю, что ты любишь... Представь себе, мне удалось раскопать несколько записей Бозио. Вообрази только: девятнадцатый век!.. Кристалльное сопрано. Блоки, конечно, сохранились чудом. Два таких больших, овальных блока, старинные. И знаешь, кто мне помог их разыскать?

— Кто?

— Кир! — торжественно сказала Мари. — Кир, о котором ты мне все уши прожужжал.

— Кир? — удивился Эльван. — Что же он делает там, в Информатории?

— Говорит, стажирруется. Готовится к экспедиции в Большое пространство.

— Мне что-нибудь передал?

— Ну как же! Сердечный привет и еще кое-что...

— Мы с Киром старинные приятели, — сказал Эльван. — Еще по Зеленому городку. Я тогда был новичком, лаборантом биосектора, а Кира только монтировали из белковых цепей...

— Так он робот? Ты никогда не говорил мне об этом. Такой приятный молодой человек...

— Очень приятный, — улыбнулся Эльван, — и к тому же самый образованный в своем классе. Между прочим, этот молодой человек ровно на шестнадцать лет моложе меня.

— Значит, ему только десять лет?

— Да. Время для робота течет иначе, чем для человека.

— Кстати, Кир передал тебе сюрприз, — сказала Мари. Она достала из кармана небольшой пакет, тщательно обернутый пластиком, и протянула его Эльвану.

— Книга, — удивился Эльван и торопливо снял обертку.

— Старинная, — сказала Мари.

— Тогда еще писали на бумаге...

Это была зачитанная книжка без обложки. «Бог весть, через сколько рук прошел этот томик, прежде чем очутиться здесь», — подумал Эльван.

— Я ее проглотила вчера вечером, как только пришла от Кира, — сказала Мари.

Эльван наугад раскрыл книгу и негромко прочел:

Годы! Или столетья?
Запад крылья простер.
Где же ты, первоцветье,
Степь, и ночь, и костер?
Горько мне соучастье
Русокудрой весны,
Полузабытого счастья
Черно-белые сны.

— Интересно, кто автор? — сказала Мари.

— Трудно определить... Знаешь, что? Я отдам эту книжку аналитикам, которые занимаются злосчастной той перфолен-той... Пусть попробуют определить по длине строк, как они

хвастаются. А может быть, это машина, вроде Каллиопы или Музы — Я10?

— Нет, Эль, это написал человек. И написал давно, когда люди не победили еще тяготение и пространство...

— Забавно, — сказал Эльван, — и столь категорично говорит та, которая могла принять работа за человека!

— А вот послушай, — тихо сказала Мари и, быстро найдя нужную страницу, стала читать:

...И нет ему покоя. Набегают
На лоб широкий белые морщины.
Увидено немало. Каждый ящер
Оставил свой автограф на песке.
Здесь проходил мой коренастый пращур
Со шрамом от медведя на виске.
На эту гладь, возможно, опускались
С пустых небес чужие корабли,
И может быть, отсюда скоро, скоро
Стартует в бесконечность человек.
Все те же волны...
Сумрак предвечерний...
Змеятся кипарисовые тени.
Я здесь проездом. Эта остановка —
Планета бирюзовая, Земля.
Стою на грани тверди и прибоя,
А море мерно в мареве вздыхает,
И нет ему покоя.

— Может быть, он написал их здесь, — сказал Эльван после паузы.

— Эль, а что если это космические пришельцы...

— Где? — не понял Эльван.

— Ну, если гибель Дэна — дело рук пришельцев из Пространства, — пояснила Мари.

— Космические пришельцы? — насмешливо повторил Эльван. — Знаешь, подобные вещи могли придумать разве что во времена этого поэта, — он похлопал себя по нагрудному карману, в котором бережно была спрятана старая книга без обложки.

Смеркалось. Расплывчатые тени слились в одну, большим крылом покрывшую лужайку. Затонувшее на краю моря солнце выбрасывало последние лучи. Ветер налетал порывами, со злым постоянством.

Мари поднялась. Бриз облепил на ней тунику, мгновенно обозначив тонкую фигурку с растрепанной копной волос.

— Пойдем, теперь быстро темнеет, — сказала она. — Как бы тебе не опоздать к Дэни.

Обратный путь показался Эльвану легче.

Налетевший шквал заставил Мари ухватиться за шершавую лиану.

— Ветер не унесет твой орник? — спросила она, стараясь перекрыть шум ветра.

— Не беспокойся, я привязал его к нашему дубку.

Уже садясь в аппарат, Эльван объявил, что эту неделю бу-

дет страшно занят, так что вряд ли представится возможность увидеться.

— Есть еще одна идея, — сказал он. — Возможно, на днях загадка Большого Дэна прояснится.

— Что передать Киру? — прокричала Мари, когда аппарат, махая перепончатыми крыльями, уже начал набирать высоту.

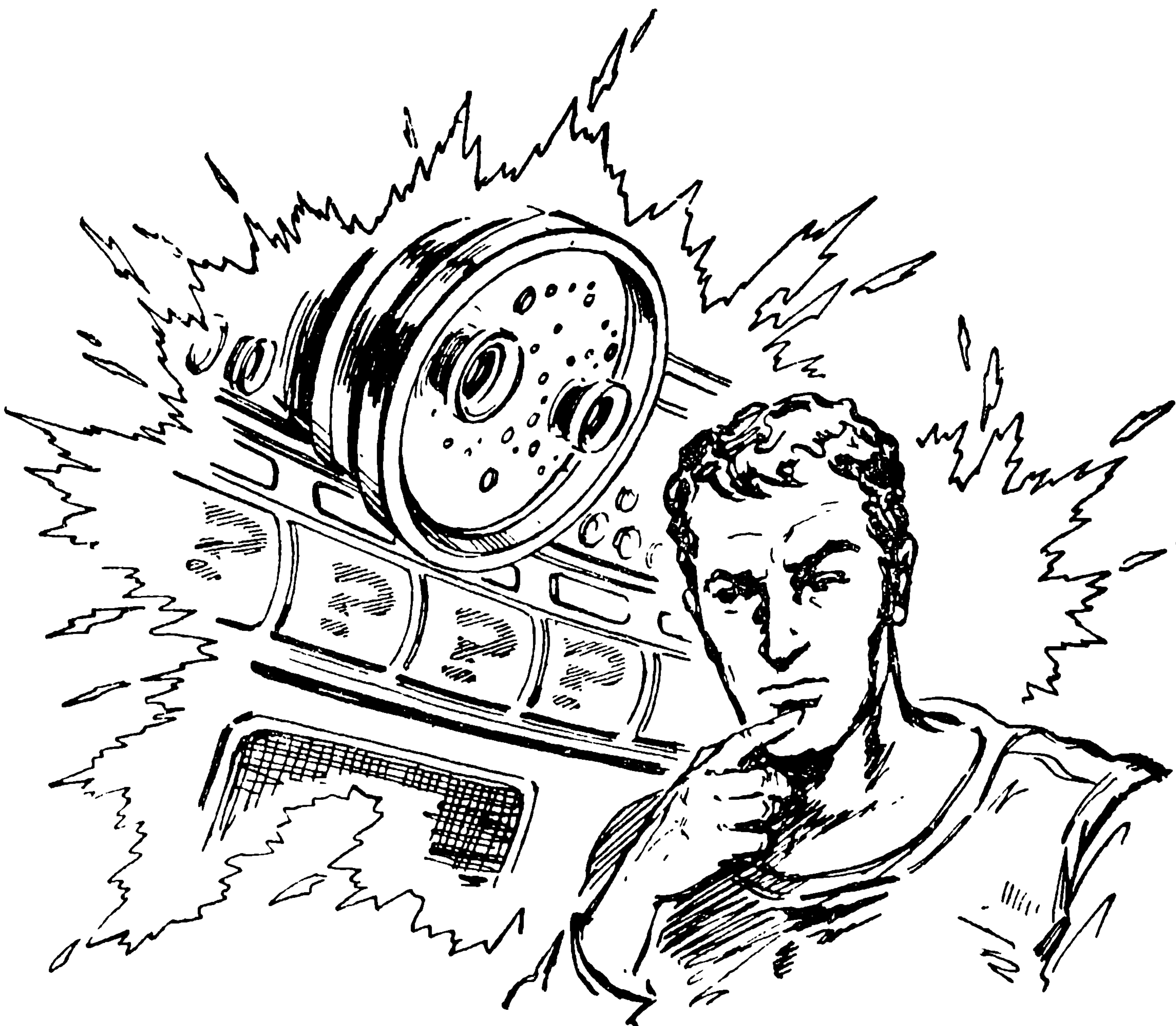
— Ничего! Я сам его скоро увижу, — ответил Эльван.

Орнитооптер давно уже растворился в низком холодном небе, а Мари все еще стояла у подножия скалы, не чувствуя первых капель дождя.

* * *

«Хотел бы я как-нибудь посмотреть на себя со стороны. Увидеть свои жесты, походку, выражение лица. Я рассматривал, наверно, сотню своих фотографий и бесчисленное множество раз гляделся в зеркало, но — странная вещь! — никак не мог представить себе своего лица. Любое чужое лицо — пожалуйста. А свое — ускользает. Познай самого себя! — это едва ли не самое трудное».

Когда он сделал эту запись? О, еще в Зеленом! Эльван опустил на колени дневник, задумался. Может быть, Дэн перед гибелью тоже задумывался над тем, как познать самого себя? Как любил он «в детстве», сразу после того, как смонтирова-

ли блок интеллекта, задавать вопросы! Какой бездонной, какой жадной была его память!..

И подумать только, скоро Дэн вновь будет жить и мыслить. Снова он будет приветствовать Эльвана по утрам своим раскатистым «с добрым утром», читать в свободное время обрывки стихов и тихо мурлыкать песни племен, давным-давно исчезнувших с лица Земли.

Монтажеры уступили уже место настройщикам. Осталось немного... Вся Земля, вся Солнечная следили за тем, как идет работа. Но будет ли Дэн прежним? Сохранит ли он свою неповторимость, любимые словечки, лукавые интонации, манеру насвистывать в затруднительных случаях? Этот вопрос сильно занимал Эльвана в последние дни.

Сейчас у Эльвана выдался свободный час, и он наслаждался покоем, сидя у пульта в уютной рубке управления. Он с удовольствием просматривал старый дневник, завалявшийся в ящике письменного стола.

«Самое вредное в жизни — глотать обиды...» Эта запись появилась после спора с академиком Далионом, в ту пору, когда Эльван учил плавать своего любимца Кира. Тогда он крупно поспорил с академиком, очень крупно...

Эльван неторопливо листал страницы. На них все чаще мелькало имя Мари. Эльван помнил эти строки наизусть, теперь он смотрел только на даты и места отдельных записей. Озеро Отдыха... Луна, кратер Аристарха, база альпинистов... Атлантика, остров Рыбоводов...

Вспыхнувшая лента вызова на пульте заставила Эльвана поспешно вскочить. Он вышел под купол, освещаемый беззвучными всплесками молний, — снаружи бесновалась поздняя гроза, но в резиденцию Дэна звуки не проникали, — и на транспортере добрался до диспетчерской.

Панель управления светилась разноцветными огоньками. Навстречу Эльвану поднялся розовощекий безусый юнец, смотревший на знаменитого профессора с откровенным обожанием.

— Все группы доложили о готовности один, — сказал он ломким баском.

Эльван подошел к панели. Он умел бегло разбираться в этих иероглифах синусоид, подмигиваниях реле и бесновании стрелок.

— Включить питание, — сказал он через несколько долгих минут.

Юнец повернул рукоятку на пульте. Бледная жилка на среднем экране медленно налилась красным, но оставалась неподвижной. Два человека озабоченно склонились над экраном.

— Не дышит, — тихо сказал оператор.

— Добавь, — распорядился Эльван, не сводя глаз с маленькой стрелки, не желающей отклоняться от нуля. Зато светящаяся точка на шкале подползла почти к самой аварийной черте.

— Еще, — сказал Эльван.

И свершилось чудо — не то чудо, которое возникало когда-то над запрокинутыми лицами наших предков хвостатой загадочной кометой или блистало в небе таинственными иерог-

лифами молний, а обыкновенное земное чудо, сработанное умными руками людей.

Дэн ожил!

Вновь запульсировали тысячи жилок, замерцали информ-экраны, и из щели дешифратора поползла бесконечная лента, обобщая усилия многих тысяч людей и киберсистем.

* * *

Купола, пушистые от снега... Вкусный морозец, пахнувший дымом... Радостная уверенность в себе... Утренний город, плывающий внизу, под прозрачным полом аппарата... И черный миг, когда профессор Эльван вновь увидел растерзанного Дэна.

— Знакомый почерк, — сказал Председатель. — Снова разрушена головная часть.

— Причем с варварской жестокостью, — сказал Эльван.

— Все версии, одна за другой, отпадают, как мы видим. Но кто же поднял руку на Дэна, черт возьми! Может быть, это не человек... — сказал Председатель.

— А кто же?

— Помимо людей есть роботы. И они тоже активно участвовали в настройке Дэна.

— Но ведь их воспитатели... — начал Эльван.

— Не в том дело, — перебил Председатель. — Не надо забывать, что белковые роботы — это самоорганизующиеся системы. Могло возникнуть отклонение... Кто из роботов занимается головным мозгом Дэна?

— Кир.

— Это какой же Кир? — задумчиво сказал Председатель. — Такой рослый красавец, голубоглазый?..

— Это он, — кивнул Эльван. — Между прочим, Кир побывал в трех космических экспедициях, в том числе на Аларди.

— Аларди... — повторил Председатель. — Может быть, повышенная радиация в полете...

— Нет, Кир проверялся в Зеленом городке, на своей родине. За Кира можно поручиться! — горячо сказал Эльван.

— И все-таки... Это звено для меня неясно, — сказал Председатель. — Этот робот долгое время был в космосе без наблюдения человека.

* * *

Загадка Дэна занимала умы землян. Лучшие силы брошены были на раскрытие неслыханного злодеяния. Тревожный отсвет беспокойства лег на все работы и празднества землян.

Там, под знакомым всем куполом, лежит растерзанный Дэн, читалось в глазах людей.

На Земле да и на других планетах преступления давным-давно отошли в прошлое. Люди жили открыто и радостно. Трагедия Дэна омрачила всех, подобно облаку, набежавшему на солнце.

Идя на учебный полигон, Кир встретил Эльвана. Профессор с улыбкой приветствовал Кира. Кир остановился.

— Как сегодня Дэн? — спросил Кир. Робот не был оригинален — именно таким вопросом встречали теперь люди друг друга. — На моем участке восстановление идет нормально.

— На других участках похуже, — сказал Эльван, пристально глядя на Кира. Эльван вдруг поймал себя на мысли, что он, по сути, мало что знает о том, что усвоил Кир за долгие годы самостоятельного пребывания на далекой планете Аларди, в системе Альфа Центавра. Конечно, теперь алардиане — друзья землян. Но так было не всегда.

Известно, что поначалу очень трудно было наладить с ними контакт разума. Немало было всяких недоразумений, как о том повествуют сферофильмы первых экспедиций в эту систему. Были в те годы и алардиане — противники мира с землянами. Кто знает, не общался ли с ними Кир?.. Тех людей давно уже нет в живых...

Правда, до сих пор — а со времени алардианской экспедиции прошел не один десяток лет — Кир великолепно выполнял самые ответственные работы, которые велись в Солнечной системе: он возглавлял участок при возведении гравитационного пульсатора на Венере, он был помощником штурмана во второй экспедиции на Сириус, да мало ли...

Но время для роботов течет иначе, чем для людей. А существа, населяющие космос, неистошмы на выдумки. Об этом Эльвану было известно слишком хорошо.

И тут Эльвану пришла в голову мысль, от которой все в груди похолодело радостным предчувствием исследователя, нащупавшего верное решение задачи.

* * *

Человек мчался по улице, задыхаясь от быстрого бега. Волосы его растрепались, глаза горели. Подбежав к зданию Совета, он рывком толкнул вращающуюся дверь и, не переводя дыхание, помчался к лифту.

— Эльван? — удивился Председатель. — Что случилось?

— Разгадка! — выпалил Эльван.

— Ну, ну, — заторопил Председатель, подойдя к покрасневшему профессору.

— Дэна разрушил... Дэн... — медленно произнес Эльван.

— Самоубийство? — сказал Председатель. В голосе его звучала недоверчивость.

— О нет, совсем не то! На определенном этапе развития Дэном овладела жажда познания. И в один прекрасный момент Дэн решил познать самого себя. Ну и, естественно...

— Он начал со своего головного мозга, — закончил Председатель. Долго еще беседовали в тот день Эльван и Председатель. Они обсуждали, как направить деятельность Дэна по нужному руслу. А затем — в который раз! — подивились неукротимой жажде познания, той жажде, которая приближает далекие звезды на расстояние вытянутой руки.